

БРОНЯ КРЕПКА

(Танковая асимметрия и реальная безопасность)

Возникновение и развитие танковой асимметрии в Европе после второй мировой войны являются, пожалуй, одним из наиболее наглядных примеров того, насколько глубоко укоренились в оборонном строительстве преклонение перед количественными параметрами военной мощи и стремление многих военачальников самого высокого ранга иметь под рукой вооружений и войск больше, чем у всех потенциальных противников, вместе взятых.

Наиболее наглядным этот пример я называю потому, что, во-первых, танки легко считать и сравнивать, и, во-вторых, танки представляют собой один из тех немногих видов вооружений, по которым при существующей засекреченности военной информации в СССР вообще возможны какие-то количественные сравнения между ОВД и НАТО.

Танки удобны для сравнения еще и тем, что, в отличие от ряда новейших вооружений, ни одна из стран НАТО никогда не скрывала ни цифр выпуска танков, ни их количества в войсках, ни мощностей своих танковых заводов.

Правда, в отношении советских танков аналогичная информация отсутствует, однако имеется важная отправная точка для сравнения в виде заявления министра обороны СССР о том, что у ОВД в Европе насчитывается примерно на 20 тысяч танков больше, чем у НАТО.¹

Всего за послевоенный период — с 1946 по 1987 год — страны НАТО произвели около 60 тысяч основных боевых танков.² Из этого количества около двух третей (41 тысяча) приходится на долю США, а остальные танки выпущены странами Западной Европы, в том числе (в тыс.): ФРГ — 8, Великобританией — 7,3, Францией — 2,8, Италией 1,1, Испанией — 0,4.

Танки собственной разработки серийно выпускают только четыре государства НАТО — США, ФРГ, Великобритания и Франция. Всего этими странами за послевоенный период выпускались десять основных типов танков: четыре американских («М-47», «М-48», «М-60» и «М-1» «Абрамс»), три английских («Центурион», «Чифтэн» и «Чэлленджер»), два западногерманских («Леопард-1» и «Леопард-2») и один французский («АМХ-30»). Италия и Испания выпускали танки по иностранной лицензии (Италия «М-60» и «Леопард-1», Испания — «АМХ-30»).

Кроме перечисленных десяти основных моделей танков промышленность стран НАТО выпускала небольшими партиями (от 40 до 300 машин) тяжелые танки («М-103» в США и «Конкерор» в Великобритании — оба в 50-х годах), а также так называемые «экспортные танки», то есть танки, предназначенные не для национальных вооруженных сил, а исключительно на экспорт («Виккерс» в Великобритании и «ОФ-40» в Италии).

С 1946 по 1987 год было выпущено 8679 танков «М-47», 11703 «М-48», 15421 «М-60» (в том числе 15221 в США и 200 в Италии), около 5000 «Абрамс», 4423 «Центурион», около 2100 «Чифтэн», около 300 «Чэлленджер», около 250 «Виккерс», около 200 «Конкерор», 6491 «Леопард-1» (в том числе 5611 в ФРГ и 880 в Италии), около 2300 «Леопард-2», 2822 «АМХ-30» (2446 во Франции и 376 в Испании).

В настоящее время в странах НАТО в серийном производстве находятся четыре типа танков: «Абрамс», «Леопард-2», «Чэлленджер» и «АМХ-30». Выпуск танка «М-60» прекращен в 1987 году.

* Виталий Васильевич Шлыков — кандидат экономических наук; его первая статья опубликована в девятом номере журнала.

¹ «Правда», 8 февраля 1988 г.

² Термин «основной боевой танк» используется командованием НАТО с 1960 года взамен прежнего деления танков на средние и тяжелые. Легкие танки в данной статье в цифрах не учитываются. В общем танковом парке НАТО доля легких танков составляет менее 5 процентов.

Общее производство танков в странах НАТО составило в 1987 году примерно 1050 единиц (840 «М-1», 48 «М-60», 88 «Леопард-2», 70 «Чэлленджер» и 7 «АМХ-30»).

По своим тактико-техническим характеристикам и степени новизны все танки НАТО подразделяются экспертами НАТО на три поколения: танки первого поколения, выпускавшиеся до начала 60-х годов («Центурион», «М-47» и «М-48»); танки второго поколения, начало производства которых приходится на первую половину 60-х годов («М-60», «Леопард-1», «АМХ-30»); танки третьего поколения, запущенные в производство в конце 70-х - начале 80-х годов («Леопард-2», «Абрамс» и «Чэлленджер»).

Всего из общего числа в 60 тысяч танков, выпущенных начиная с 1946 года, в армиях НАТО осталось приблизительно 30,5 тысячи (по состоянию на 1987 год),³ в том числе в Европе — 22,2 тысячи. Остальные 30 тысяч либо были экспортированы за пределы НАТО, либо безвозвратно потеряны в военных действиях (в Корее, на Ближнем Востоке и в других регионах) или авариях, либо сданы на слом.

Что касается данных о производстве танков и их количестве в войсках у СССР и ОВД, то все они почерпнуты в силу отсутствия советских данных из западных источников, главным образом из публикаций лондонского Международного института стратегических исследований и английского танкового ежегодника «Джейн'з армор».⁴ По западным оценкам, только танков пяти типов, состоящих в настоящее время на вооружении Советской Армии («Т-54/55», «Т-62», «Т-64», «Т-72» и «Т-80»), Советский Союз произвел около 100 тысяч, в том числе свыше 50 тысяч «Т-54/55», 20 тысяч «Т-62», не менее 9,3 тысячи «Т-64», 8,5 тысячи «Т-72» (по «Т-64» и «Т-72» западные оценки приводят только общее количество танков в советских войсках без учета поставок этих танков другим странам ОВД и на экспорт) и 7 тысяч танков «Т-80».⁵ Даже с учетом производства танков в Китае (в 70-х годах Китай выпускал в год 500-700 единиц) и во всех других странах мира это означает, что СССР, если признать западные оценки достоверными, только пяти упомянутых выше типов танков произвел больше, чем выпущено танков во всем остальном мире за период более чем 40 лет.⁶

Что касается количества танков в войсках, то, согласно тем же западным источникам, в 1987 году Советский Союз их имел 53,3 тысячи, в том числе 19,5 тысячи «Т-54/55»; 13,7 тысячи «Т-62», 9,3 тысячи «Т-64», 8,5 тысячи «Т-72» и 2,3 тысячи «Т-80». Остальные страны ОВД имели в 1987 году 15 тысяч танков. Таким образом, общее число танков у стран ОВД в 1987 году достигло 68,3 тысячи, из которых в Европе было сосредоточено 52,2 тысячи, то есть примерно вдвое больше, чем у Североатлантического союза (22,2 тысячи).⁷

Несмотря на то, что на протяжении более чем четырех десятилетий Советский Союз никому не уступает положения первой танковой державы мира, развитие танковой асимметрии после второй мировой войны шло отнюдь не по прямой. Первый рывок к превосходству в танках Советский Союз

³ 3 «The Military Balance 1987-1988». London, 1987, p. 231.

⁴ Эти данные, разумеется, не могут считаться полными. Но вместе с тем они, на мой взгляд, отражают тенденцию развития мирового производства танков в послевоенный период. Давно назревшая публикация советских данных по этому вопросу помогла бы внести необходимые коррективы. Отсутствие этих данных, естественно, не дает возможности учесть многие важные аспекты. Так, например, мне не удалось найти цифры по производству советских танков «Т-34», «ИС-3» и «Т-10», о которых известно, что они выпускались в значительном количестве в послевоенный период. Не встретил я и полных данных по производству танков в Польше, Чехословакии и Румынии, которых западные эксперты причисляют к крупным производителям танков.

⁵ «Jane's Armour and Artillery 1987-1988». London, 1987, pp. 70, 78, 82, 84; «The Military Balance 1987-1988», p. 35.

⁶ Так, по западным данным, танковый парк КНР на 1 июля 1987 года оценивался в 11,5 тысячи единиц. Общее производство танков во всех несоциалистических странах вне НАТО после второй мировой войны не превысило 5 тысяч единиц, в том числе (в тыс.): в Индии — около 1,5, в Японии — 1,2, в Швейцарии — 0,5, в Израиле — 0,5, в Швеции — 0,3, в Аргентине — 0,35 (см. «Зарубежное военное обозрение», 1988 г., N 1, стр. 36-37; «The Military Balance 1987-1988», pp. 101, 146, 157, 160, 179).

⁷ «The Military Balance 1987-1988», pp. 35, 231.

совершил еще в 1945-1950 годах. Советские танковые войска в Великой Отечественной войне несли непомерно большую часть общей ноши войны, ибо использовались не столько как специализированный род войск, сколько как универсальное средство вооруженной борьбы. В результате, с одной стороны, танков из-за их расточительного использования и огромных потерь постоянно не хватало, а, с другой стороны, ввиду своих первоклассных боевых качеств они приобрели в глазах советских военачальников значение своего рода всеобщего эквивалента военной мощи, с помощью которого, если только его иметь достаточно, можно выполнить любую боевую задачу, а иногда и просто возместить нехватку собственного воинского мастерства.

Поиск всеобщих эквивалентов как экономической, так и военной мощи, притом эквивалентов максимально простых и поддающихся арифметическому подсчету, был вообще одной из наиболее ярко выраженных особенностей сталинского мышления, наложившего на долгие годы отпечаток на все развитие советских вооруженных сил.

В своей речи на предвыборном собрании избирателей 9 февраля 1946 года, давшей мощный толчок послевоенному экстенсивному развитию советской экономики, Сталин определил, сколько нам нужно ежегодно производить чугуна, стали, угля, нефти, чтобы страна была гарантирована от всяких случайностей.⁸ Вряд ли можно сомневаться в том, что такая же немудреная схема применялась и к военной технике, и прежде всего к танку, при том культе, которым он был окружен. Во всяком случае; это подтверждается всей дальнейшей практикой. В то время как США и Англия стали свертывать выпуск танков уже в 1944 году (Англия втрое, а США наполовину по сравнению с уровнем 1943 года), Советский Союз продолжал наращивать их производство в послевоенные годы.

США вскоре после войны вообще прекратили серийный выпуск танков и демонтировали все свои танковые заводы, за исключением государственных танковых arsenалов, на которые была возложена задача не производства, а модернизации и ремонта танков, а также разработки их новых моделей. В 1946-1950 годах в США была выпущена лишь небольшая опытная партия танка «М-46» «Паттон». К началу войны в Корее, в июне 1950 года, в США вообще не было промышленного производства средних и тяжелых танков.⁹

По существу, единственным производителем танков в капиталистическом мире в первую послевоенную пятилетку была Великобритания, выпустившая в 1946-1950 годах около 700 танков «Центурион».

В то же время в СССР продолжался отлаженный в годы войны выпуск танков «Т-34» — вплоть до 1948 года, после чего советская танковая промышленность перешла на выпуск нового танка — «Т-54» со 100-миллиметровой пушкой.¹⁰

В 50-х годах относительное превосходство СССР в танках над странами Запада резко сократилось. Это было вызвано двумя обстоятельствами.

Во-первых, США в период корейской войны 1950-1953 годов, проводя частичную мобилизацию экономики, фактически заново создали мощную специализированную танковую промышленность, способную уже в условиях мирного времени, без конверсии остальной экономики, выпускать 30-35 тысяч танков (включая легкие) в год. В частности, в 1951-1954 годах было построено три новых больших танковых завода. Внушительные масштабы приобрел и выпуск танков. В 50-х годах с конвейеров американских заводов сошло около 20 тысяч средних танков «М-47» и «М-48» и 5500 легких танков «М-41». Великобритания также расширила производство танков, выпустив в 50-х годах около 3600 танков «Центурион».

⁸ См. И.В. Сталин. Речи на предвыборных собраниях Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М., Госполитиздат, 1953, стр. 22, 23.

⁹ «Jane's Armour and Artillery 1986-1987». London, 1986, p. 146.

¹⁰ «Jane's Armour and Artillery 1987-1988». London, 1987, p. 87.

Второй причиной снижения уровня танковой асимметрии в этот период стало начатое во второй половине 50-х годов по инициативе Н.С. Хрущева крупное сокращение советских вооруженных сил, затронувшее, естественно, и танковые войска.

В тот период роль всеобщего эквивалента военной мощи в советском военном строительстве начала все более ускоренными темпами переходить к ракетно-ядерному оружию. Возникла реальная угроза позициям последователей «танковой философии», базировавшейся на примате танка в войне. Этот трудный для танка этап не остался незамеченным и в советской военной литературе. Как писал генерал-майор М.И. Чередниченко, «в послевоенный период роль танков некоторое время казалась неясной, что послужило причиной известного застоя в их развитии».¹¹

Однако такое состояние длилось недолго. «Танковая философия», как и «кавалерийское мышление» 30-х годов, вернула, казалось бы, утраченные позиции. Судя по боевому опыту большинства военачальников того времени, сторонники «танковой философии» имели явное большинство в высшем советском военном руководстве. К тому же действовали они не по шаблону. Если «кавалерийское мышление» апеллировало к военному консерватизму Сталина с его абсолютизацией опыта гражданской, войны, то «танковая философия» решила обновить свой фундамент при помощи суперсовременного союзника — ядерного оружия: танк был провозглашен идеальным оружием ракетно-ядерной войны.

Так, в вышедшем в 1962 году и впоследствии дважды переизданном (в 1963 и 1968 годах) военно-научном труде «Военная стратегия» под редакцией маршала Советского Союза В. Д. Соколовского (накануне Великой Отечественной войны — заместитель начальника Генерального штаба, в 1952-1960 годах — начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР) говорилось, в частности, следующее: «В Сухопутных войсках, видимо, будет и дальше увеличиваться удельный вес танковых войск. Танки по своим боевым свойствам более устойчивы от воздействия ядерного оружия, обладают высокой проходимостью и скоростью передвижения вне дорог, способны к осуществлению быстрого маневра и нанесению удара на большую глубину. Они могут быстро преодолевать зоны радиоактивного заражения противника и с наибольшим эффектом использовать результаты своих ядерных ударов.

Танковые части, соединения и объединения обладают огромной мощью артиллерийского огня и способны, как и артиллерия, уничтожать и подавлять открытые и закрытые цели. При надлежащей организации они в состоянии не только эффективно использовать результаты ядерных ударов, но и огнем своих многочисленных орудий и броневым ударом сметать со своего пути уцелевшие остатки сопротивляющихся войск противника, наносить стремительные удары по их флангам и тылу и безостановочно продвигаться на большую глубину. Из всех родов войск танковые войска в наибольшей степени соответствуют характеру ракетно-ядерной войны (разрядка моя. - В. Ш.)».¹²

В сущности, при всем внешнем признании революционного воздействия ядерного оружия на военное дело сторонники «танковой философии» видели в ядерном оружии главным образом суперсредство, призванное расчистить дорогу танкам для глубоких рейдов в тыл противника, подобно тому как немецкие танковые генералы эпохи «блицкрига» видели такое средство в «летающей артиллерии» — пикирующем бомбардировщике.

Такого рода подход продолжал утверждаться на протяжении 60-70-х годов. В монографии «Научно-технический прогресс и революция в военном деле», выпущенной коллективом военных авторов в 1973 году, например, подчеркивалось: «Современный советский танк — это совершенная машина, которая по ряду важнейших тактико-технических данных превосходит новые танки капиталистических армий. Из всех родов Сухопутных войск танковые войска наиболее приспособлены к стремительным и маневренным боевым действиям в условиях применения ядерного

¹¹ «Научно-технический прогресс и революция в военном деле». М., 1973, стр. 83.

¹² «Военная стратегия». Изд. 3-е. М., 1968, стр. 300.

оружия, Высокая подвижность и огневая мощь позволяют им быстро и эффективно использовать ядерные удары. Танковые войска являются современным и весьма перспективным родом войск».¹³

О том, что подобный взгляд на роль танка в ракетно-ядерной войне не был всего лишь точкой зрения авторов научных трудов и монографий, свидетельствует, в частности, интервью начальника танковых войск Советской Армии, маршала бронетанковых войск А.Х. Бабаджанияна: «Значение танковых войск сейчас, в условиях бурного развития военной техники и оружия, не только не снижается, но, напротив, возрастает. Советское военное искусство, как и прежде, признает за ними роль главной ударной и маневренной силы Сухопутных войск».¹⁴

Конечно, в современных условиях, когда возобладало понимание того, что в ракетно-ядерной войне победителей быть не может, все эти высказывания выглядят совершенно устаревшими и, конечно же, не отражают взглядов нынешнего советского военного руководства. Но в 60-70-х годах такой подход сыграл свою роль в углублении танковой асимметрии в Европе.

Концепция возрастания роли танков в ракетно-ядерной войне требовала заблаговременного производства как можно большего числа танков. Такое требование объяснялось тем, что в условиях массированного обмена ядерными ударами потери в танках ожидалось поистине астрономические. Так, если в Великой Отечественной войне ежемесячные безвозвратные потери танков составляли 19 процентов от общего числа находившихся на фронте, то в будущей войне уже в первые две недели войны потери сухопутных войск предполагались в размере 30-40 процентов.¹⁵ Подобные расчеты уровня потерь как бы сами подводили к выводу: успеть сделать как можно больше танков (и другой военной техники) еще до начала войны. Таким образом, «теоретическая база» под очередной рывок в производстве танковых вооружений была подведена.

Судя по западным оценкам, такой рывок произошел, а число советских танков возросло до 42 тысяч в 1975 году по сравнению с 30,5 тысячи в 1965 году. Особенно заметен был рост их количества на ключевом для НАТО Центрально-европейском театре военных действий, где только за пять лет, с 1970 по 1975 год, СССР увеличил число своих танков с 13650 до 19000, которым НАТО могла противопоставить в 1975 году только 6100 танков.¹⁶

Своего наивысшего уровня танковое превосходство ОВД над НАТО достигло, согласно оценкам западных военных специалистов, в конце 70-х годов. По данным Лондонского института стратегических исследований, в 1978 году ОВД имела 65 тысяч танков против 25 тысяч натовских танков. Только одни союзники СССР по ОВД имели танков больше, чем все западноевропейские страны НАТО, вместе взятые (15 тысяч против 13,7 тысячи). СССР в 1978 году имел 50 тысяч, США — 10,5 тысячи танков. У Китая, по тем же данным, в 1978 году насчитывалось 10 тысяч танков.¹⁷

Из приведенных цифр следует, что с середины 60-х и до конца 70-х годов Советский Союз почти удвоил свой танковый парк. Не трудно себе представить, сколько было бы сейчас в Европе танков, если бы Запад ответил на советский «танковый вызов» адекватным увеличением своей собственной танковой мощи. Вряд ли приходится сомневаться, что возможность для такого ответа у Запада была. Известно, что США во вторую мировую войну без особого перенапряжения своей экономики произвели столько танков, сколько им было нужно. Да и ряд западноевропейских стран НАТО доказал, что они в состоянии делать вполне современные танки, о чем свидетельствуют многочисленные западногерманские «Леопарды».

Таким образом, при желании Запад мог сравняться с ОВД по числу танков. Почему же этого не произошло?

¹³ «Научно-технический прогресс и революция в военном деле», стр. 106-107.

¹⁴ «Правда», 8 сентября 1974 г.

¹⁵ «Военная стратегия». Изд. 2-е. М., 1963, стр. 427, 428.

¹⁶ General Robert Close. Europe Without Defense? Pergamon Press, 1979, pp. 38, 36.

¹⁷ «The Military Balance 1978-1979». London, 1978, pp. 6, 9, 19, 21-28, 56.

Хотя между странами НАТО и существуют большие различия в подходе к проблеме танковой асимметрии, определяющим в ответе на этот вопрос является все-таки позиция США как наиболее мощной в экономическом и военном отношении державы Запада. А США никогда не скрывали своей ставки на ядерное оружие как наиболее дешевый и эффективный противовес любому увеличению потенциала ОВД в области обычных вооружений. Бывший министр обороны США К. Уайнбергер в своем докладе конгрессу о военном бюджете на 1988 финансовый год обосновывал это следующим образом: «...со времени окончания второй мировой войны наша политика обороны продолжает полагаться на американское ядерное оружие как на средство предотвращения не только ядерной, но и обычной войны. Это объясняется главным образом тем обстоятельством, что увеличение сил обычного назначения обходится намного дороже, чем увеличение ядерных сил, а ни мы, ни наши союзники не в состоянии повысить свои оборонные расходы»...¹⁸

Разумеется, основой подобного противопоставления ядерного оружия обычному была не столько «дешевизна» ядерного оружия, сколько уверенность в наличии у США ядерного превосходства над СССР. Тем не менее нельзя не видеть, что до самого рубежа 70-80-х годов, когда у США появились сомнения в своем ядерном превосходстве, они, удерживали свои военные расходы, подавляющая часть которых приходилась на обычные силы, в весьма жестких рамках.

На протяжении 25 лет, вплоть до прихода к власти администрации Рейгана, военные расходы США, включая и расходы на войну во Вьетнаме, составляли в среднем 213 миллиардов долларов в год (в долларах 1986 года), то есть были ниже среднего уровня военных расходов второй половины 50-х годов.¹⁹ Особенно заметно упали они в период советского «танкового рывка» второй половины 60-х - середины 70-х годов. С 1968 по 1975 год расходы США на оснащение своих вооруженных сил оружием и военной техникой сократились в 2,5 раза, упав до самой низшей точки со времени окончания второй мировой войны.²⁰ В 70-х годах расходы Пентагона на закупки вооружений были ниже среднегодового уровня за предшествующие 35 лет.²¹ Численность американских вооруженных сил с 1968 по 1976 год сократилась на 1 миллион человек.²²

Таким образом, длительное время ничто не указывало на особую обеспокоенность США темпами и размерами роста советской танковой мощи. Более того, трудно избежать впечатления, что США сознательно способствовали углублению советско-американской танковой асимметрии, втягивая Советский Союз в экономически разорительный и политически невыгодный своего рода «танковый офсайд». Во всяком случае, в то самое время, когда Советский Союз начал форсировать производство, танков, США взяли курс в прямо противоположном направлении. Они, стали свертывать свою танковую промышленность.

За десять лет, с 1960 по 1969 год, США, например, выпустили всего 5072 основных боевых танков, вчетверо меньше, чем в предыдущем десятилетии. Особенно резко упало производство танков в конце 60-х - начале 70-х годов. Производство танков в СССР и США в 1966-1975 годах.²³

Годы	СССР	США
1966	3500	360
1967	3500	342
1968	4000	68
1969	4000	332

¹⁸ C. Weinberger. Annual Report to the Congress. Fiscal Year 1988, p. 51.

¹⁹ W. Kaufmann. A Reasonable Defense. Washington, 1986, p. 21.

²⁰ J. Gansler. The Defense Industry. Cambridge, Massachusetts, 1980, p. 26.

²¹ C. Weinberger. Annual Report to the Congress. Fiscal Year 1987, p. 16.

²² J. Schlesinger, «Fortune», January 1976.

²³ «Armor», March-April 1981, pp. 44, 45.

1970	4500	147
1971	4000	363
1972	3000	357
1973	3000	399
1974	2500	615
1975	2000	547

Из таблицы следует, что в 1966-1975 годах СССР произвел танков чуть ли не в 10 раз больше, чем США.²⁴

К середине 70-х годов танковая асимметрия между СССР и США достигла соотношения 5:1. В это время у Советского Союза имелось 42 тысячи танков против 8226 в армии США, из которых к современным (серии «М-60») можно отнести 5049, ибо остальные представляли собой устаревшие танки «М-48» образца 50-х годов с 90-миллиметровой пушкой и бензиновым двигателем.²⁵

Сокращение американского танкового парка носило абсолютный характер. Это объяснялось тем, что в этот период экспорт американских танков заметно опережал их производство в США. До середины 60-х годов США и Великобритания вообще были единственными производителями основных боевых танков в капиталистическом мире. За 1949-1969 годы США поставили своим союзникам 20 тысяч танков.²⁶ Следствием такого объема экспорта было сокращение американских запасов танков, накопленных главным образом в период войны в Корее. В результате, когда США понадобилось в срочном порядке восполнить танковые потери Израиля во время арабо-израильской войны 1973 года, необходимые для этого танки пришлось изымать непосредственно из боевых частей американской армии в ФРГ.

Однако особенно заметно проявилось падение интереса Пентагона к танкам в его отношении к сохранению мощностей танковой промышленности. В течение 20 лет, с 1960 по 1979 год, основные боевые танки в США — при этом одну и ту же модель («М-60») — выпускал единственный завод, а именно Детройтский танковый завод, принадлежащий государству. Хотя номинальная мощность Детройтского завода по сборке танков составляла 4800 танков в год, длительный период выпуска танков на уровне, достаточном лишь для поддержания непрерывного производственного цикла завода, привел к эрозии производственной базы предприятий-субподрядчиков (всего в выпуске танка «М-60» их участвовало около 5 тысяч), поставлявших необходимые для сборки узлы и детали. Так как все заводы-субподрядчики, в отличие от самого Детройтского завода, принадлежали частным фирмам, то у их владельцев не было стимулов для поддержания за собственный счет резервных мощностей на своих предприятиях на тот случай, если Пентагону вдруг понадобится увеличить

²⁴ Хотя в данной статье рассматривается лишь вопрос о танках, нельзя не отметить, что тяга к количественным параметрам была характерной и в отношении других видов вооружений. Как отмечалось на состоявшейся в июле 1988 года научно-практической конференции МИД СССР, мы вплоть до последних лет гнали «химический вал», стоивший колоссальных расходов, отвлекавший большие производственные мощности, рабочую силу, ресурсы. Теперь же приходится идти на новые значительные расходы, чтобы уничтожить химические арсеналы. Или взять, например, артиллерию. В издании Пентагона «Советская военная мощь» утверждается, что якобы закупки орудий полевой артиллерии за период с 1977 по 1986 год составили в СССР 28,2 тысячи, а в США — 2,75 тысячи; за три года (1984-1986) в СССР — 8,2 тысячи (в других странах ОВД — 1,75 тысячи), в странах НАТО 2 тысячи. Возможно, эти данные преувеличены и вводят в заблуждение общественность. В таком случае пора бы внести ясность. Далее, если бы у нас не было крена в сторону количественных показателей, видимо, не пришлось бы нам по Договору по РСМД уничтожать почти в 2 раза больше ракет и в 3 раза больше боеголовок к ним, чем США.

²⁵ Department of Defense Appropriations for 1975. Hearings before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives, December 12, 1974 March 15, 1975, p. 195.

²⁶ 26 F. Miksche. Rustungswettlauf. Ursachen und Auswirkungen. Stuttgart, 1972, S. 63.

выпуск танков. Разумеется, они охотно бы делали это, если бы правительство продолжало, как, например, в 50-х годах, субсидировать поддержание таких резервных мощностей в качестве мобилизационной базы на случай войны.

Однако министерство обороны постепенно сокращало такие субсидии и к концу 60-х годов практически полностью их прекратило.²⁷

В результате, когда после арабо-израильской войны 1973 года перед США встал вопрос о срочной необходимости увеличения производства танков, выяснилось, что американская танковая промышленность оказалась в состоянии выпускать в год, например, не более 500-600 танковых корпусов и башен, без которых выпуск танков невозможен. Понадобились крупные государственные капиталовложения в развитие субподрядной базы Детройтского завода, чтобы довести выпуск до 1200 машин в год.

В середине 70-х годов США заметно изменили свое отношение к танкам. Правительство при полной поддержке конгресса разработало и стало осуществлять крупную программу увеличения выпуска танков и расширения танковой промышленности. Было принято решение о запуске в производство нового танка «Абрамс». Для его выпуска был построен новый сборочный завод в городе Лайма (штат Огайо), а также модернизирован Детройтский завод. На создание производственной базы, обеспечивающей в случае необходимости выпуск 1800 танков «Абрамс» в год, конгрессом был выделен 1 миллиард долларов.

Заметно увеличились и закупки танков для американской армии, в результате чего ее танковый парк вырос с 8266 в 1974 году до 12821 в 1981 году и 14296 в 1987 году.²⁸

В результате американского рывка асимметрия между СССР и США сократилась с 5:1 в 1975 году до 3:1 в настоящее время, но только в относительном выражении, а не в абсолютном. Ибо Советский Союз в течение последних десятилетий хотя и сократил производство танков в полтора раза по сравнению с предыдущим десятилетием, тем не менее продолжал выпускать их в 3 раза больше, чем США. Так, в 1977-1986 годах СССР выпустил 24,4 тысячи танков (против 30,5 тысячи в предыдущем десятилетии), а США за этот же период произвели 7,1 тысячи танков (против 4 тысяч в предыдущем десятилетии).²⁹ В результате если в середине 70-х годов СССР превосходил США по числу танков на 34 тысячи, то сейчас примерно на 39 тысяч. Таким образом, в итоге подобного «сокращения» асимметрии танков и у одной, и у другой страны стало заметно больше.

Повышение внимания американского военно-политического руководства к танкам в 70-х годах было вызвано рядом причин.

Первая группа причин носила чисто военный характер и была связана с итогами арабо-израильской войны в октябре 1973 года. Эта война показала гораздо более высокий, по сравнению с ранее принятыми в США оценками, уровень потерь танков в современной войне, даже если она носит безъядерный и ограниченный характер. Всего за 18 суток боевых действий безвозвратные потери израильской армии, вступившей в войну с 2000 танков, составили 840 машин (42 процента к наличию), а число выведенных из строя, но отремонтированных танков достигло 2500 (125 процентов к наличию на первый день войны). На основе этого опыта американское командование сочло необходимым произвести пересчет своих планируемых потерь на случай обычной войны с 8,6 процента до 20,1 процента в месяц, что, естественно, потребовало роста танкового парка.

Кроме того, война 1973 года, по мнению американских военных специалистов, показала возрастание роли танков в современной войне как противотанкового средства, несмотря на то, что в этой войне впервые были широко использованы противотанковые управляемые ракеты (ПТУР), в том числе с боевых вертолетов. Было подсчитано, что, хотя в войне было запущено свыше 6000 ПТУР,

²⁷ См. Department of Defense Appropriations for 1975, December 12, 1974 - March 15, 1975, p. 279.

²⁸ «Newsweek», November 16, 1987, p. 32.

²⁹ «Soviet Military Power», Washington, 1987, p. 121; «Armor», March - April 1981, pp. 44, 45.

они вывели из строя менее 300 танков, в то время как на долю огня танковых пушек пришлось 80 процентов всех уничтоженных танков.

Начальник управления танковых войск американской армии генерал Л. Лоуренс докладывал в конгрессе США во время слушаний в апреле 1978 года следующее: «...на высокودинамичном поле боя будущего нам придется обороняться против полчищ танков в ситуации, очень похожей на ту, которая преобладала в арабо-израильской войне 1973 года. Мы считаем, что основным средством защиты от подобной танковой угрозы будет оружие прямого огня, установленное на самом танке».³⁰

Резюмируя точку зрения Пентагона, что лучшим противотанковым средством остается сам танк, журнал «Ньюсуик» писал: «Хотя кое-кто и предсказывает, что так называемое "умное оружие", управляемое по радио и проводам, в скором времени превратит танк в дорогостоящий музейный экспонат, подобная перспектива остается делом далекого будущего. В настоящее время "умная" противотанковая технология отнюдь не продвинулась в своем развитии настолько, чтобы надежно соперничать с современными, закованными в броню монстрами».³¹

Характерно, что командование советских танковых войск также пришло к выводу, что использование в арабо-израильской войне 1973 года такого нового, широко разрекламированного противотанкового средства, как вертолет с ПТУР, не приведет к заметному снижению боевой эффективности танков. Маршал А.Х. Бабаджанян в упомянутом выше интервью в «Правде» заявлял: «Лично я убежден, что существенного влияния на эффективность применения танков в операциях, особенно крупного масштаба, вертолеты огневой поддержки оказать не смогут».

Вторая группа причин начавшегося во второй половине 70-х годов процесса увеличения и обновления американского танкового парка прямо связана с развитием обстановки в Европе. В связи с достижением, по западным оценкам, во второй половине 70-х годов Советским Союзом ядерного паритета с США в области не только стратегического, но и оперативно-тактического оружия, а также оружия ближнего боя, сохранение, а тем более дальнейшее увеличение танкового дисбаланса в Европе в пользу ОВД вызвало самую серьезную тревогу у европейцев.

Надо сказать, что европейские страны НАТО, и особенно ФРГ, всегда намного острее, чем США, реагировали на увеличение советской танковой мощи.

Это видно не только из того, что они резко расширили производство противотанковых средств (только ФРГ поставила в свои войска свыше 100 тысяч противотанковых ракет), но и стали основными законодателями в НАТО в деле разработки танкового вооружения. В частности, первый западный танк третьего поколения выпущен в ФРГ (октябрь 1979 года), все американские послевоенные танки, включая «Абрамс», вооружались пушками европейской разработки, знаменитая многослойная танковая броня типа «чобхэм», используемая в последних моделях танков НАТО, разработана в Великобритании и т.д.

С середины 60-х годов Западная Европа резко расширила выпуск танков. Производство танков начали ФРГ, Франция, Италия и Испания. С 1965 по 1972 год только ФРГ произвела почти вдвое больше танков, чем США (2960 против 1570). ФРГ не только перевела бундесвер на танковое самообеспечение, но и оснастила своими танками «Леопард-1» сухопутные войска Италии, Канады, Нидерландов, Бельгии, Дании, Норвегии, Турции и Греции. Однако сравняться своими силами по числу танков со странами ОВД ни ФРГ, ни другие страны Западной Европы не могли, не рискуя подорвать своей экономики. Ведь современный танк «Леопард-2» стоит около 3 миллионов долларов. 50 тысяч танков — это 150 миллиардов долларов, не считая расходов на их обслуживание, полигоны, личный состав и т.д. А сколько горючего потребляла бы такая армада танков?³²

³⁰ Department of Defense Appropriations for 1979. Hearings before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives, April 6, 1978, p. 374.

³¹ «Newsweek», September 27, 1982, p. 44.

³² Танку «Абрамс», например, на 1 километр хода требуется почти 10 литров горючего.

Рост беспокойства в Западной Европе по поводу надежности американских ядерных гарантий перед лицом танкового превосходства ОВД побудил США попытаться подкрепить свои обязательства перед союзниками не дорогостоящими программами наращивания американского танкового парка, а посредством размещения в Европе нейтронного оружия, провозглашенного надежным средством против советских танков. Однако эти планы натолкнулись на столь бурную реакцию европейской общественности, что президент Картер был вынужден объявить в апреле 1978 года об отказе США от производства такого оружия.

В этих условиях США пришли к выводу, что нужно показать европейцам, что они готовы взять на себя дополнительное бремя неядерной защиты Европы.

Объявленной программе расширения выпуска танков «Абрамс» был придан демонстративно-рекламный характер. Сам танк провозгласили лучшим танком в мире, способным играючи справиться с тремя советскими танками «Т-72», не говоря уже о более старых моделях. Восхвалялись его секретная броня и фантастическая маневренность, благодаря использованию на нем впервые в практике мирового танкостроения газотурбинного двигателя (мощностью 1500 л/с). Вопреки жестким правилам Пентагона танк был запущен в серийное производство, не дожидаясь окончания его испытаний (единственное исключение подобного рода, о котором сообщалось в прессе, было допущено в американской практике только в отношении ракеты «Першинг-2»). Однако на самом деле намерений втягиваться в дорогостоящую программу ликвидации асимметрии путем резкого наращивания выпуска танков США не имели.

Поэтому, едва отшумели торжества по поводу схода с конвейера нового танкового завода в Лайме двух первых «Абрамсов» (февраль 1980 года) и не дожидаясь их поступления в войска (это произошло только после завершения испытаний танка в январе 1982 года), как США решили продемонстрировать европейским союзникам не только незыблемость американских ядерных гарантий их безопасности, но и прочность своих убеждений в том, что ядерное оружие является лучшим средством против советского танкового превосходства, а территория Европы — наиболее подходящее место для применения этого средства.

США постепенно начали отходить от обещанной европейцам танковой программы. Намеченный ежемесячный темп выпуска в 120 танков достигнут не был, и производство не превысило 70 машин в месяц.

Пентагон также объявил, что не собирается заказывать дополнительные «Абрамсы» после завершения в 1991 году утвержденной конгрессом программы производства танков (к этому времени планируется закупить 7467 танков «М-1» для сухопутных войск и 560 для корпуса морской пехоты США).

Не торопятся США и с созданием нового танка четвертого поколения на замену танков «Абрамс». В начале 1988 года министр обороны США Ф.Карллуччи объявил, что прекращает в 1989 финансовом году выделение средств на разработку нового основного боевого танка.

Следует также отметить, что, по опубликованным на Западе данным, Великобритания прекращает с 1989 года производство танка «Чэлленджер», а ФРГ с 1990 года танка «Леопард-2» (сборка этих машин по лицензии ФРГ из западногерманских узлов и компонентов будет производиться до 1993 года в Швейцарии; планируется выпустить всего 345 танков). Согласно планам министерств обороны этих двух стран, поступления на вооружение танков нового поколения до 2000 года не предусматривается.

Обращает в связи с этим на себя внимание вот что. Ведя кампанию об угрозе «танковой наступательной мощи» ОВД, Запад предпочитает вкладывать средства не в наращивание своих танков, а в совершенствование противотанковых средств, создавая таким образом для нас необходимость постоянной модернизации своего танкового парка и тем самым подталкивая нас ко все большим и большим затратам экономических ресурсов. А если учесть превосходство ОВД в 20 тысяч

танков над танковым парком НАТО, то возникает вопрос: сколько же придется затрачивать средств, чтобы модернизировать такое количество машин?

Нельзя не заметить, что в качестве основного противовеса советским танкам США все более настойчиво начинают предлагать западноевропейским союзникам участие в своего рода «наземной СОИ» с привлечением последних достижений в области технологии. Вот что заявляет, например, сенатор Сэм Нанн, председатель комитета по делам вооруженных сил Сената США: «Мы должны совершенно открыто поставить перед собой цель добиться такого прогресса в области технологических исследований, который превратил бы танки в устаревшее оружие прошлого. Я считаю подобную цель вполне достижимой, хотя она и потребует значительных неослабных усилий».³³

Таким образом, все более отчетливо начинают вырисовываться контуры нового витка гонки вооружений на Западе, в ходе которого под предлогом борьбы с советскими танками планируется разработка отнюдь не только оборонительного противотанкового оружия.

Такова краткая история возникновения и развития послевоенной танковой асимметрии и некоторых ее последствий, которую мне удалось восстановить на базе весьма ограниченной и наверняка не совсем точной информации по советским танкам. Она позволяет, на мой взгляд, сделать ряд следующих предварительных выводов.

Мне уже попадались в нашей печати попытки объяснить возникновение танковой асимметрии стремлением СССР компенсировать ядерное превосходство Запада.³⁴ Такие объяснения кажутся мне неубедительными, как и стремление советских военачальников 60-70-х годов оправдать увеличение производства танков потребностями ядерной войны. Я убежден, что послевоенное советское превосходство в танках обязано своим появлением и долгим существованием не ядерному оружию, а сугубо доядерному мышлению. Сталин и его ближайшее военное окружение всегда пытались спрятаться от сложного и непонятого для них многообразия качественных характеристик военной мощи государств с различными общественными структурами за толстой стеной количественного превосходства над противником.

Посеянные в те годы семена «науки побеждать» числом, а не умением нашли благодатную почву в консерватизме советской военной мысли застойного периода, наследие которого еще предстоит преодолеть. Броня крепка, стереотипы прочны, отходят от них иные с трудом. Как отмечает министр обороны СССР, генерал армии Д.Т.Язов, «наша военная мысль до сих пор еще зачастую скована инертностью, шаблоном, отсутствием конкурентности идей и мнений. Трудно рассчитывать на ее высокую отдачу без решительного отказа от устаревших подходов, методов и стереотипов, без демократизации всей обстановки в военной науке».³⁵

Именно такого, по моему убеждению, решительного отхода от устаревших методов и стереотипов и требует проблема танков в Европе.

В настоящее время, когда Восток и Запад признали, что в ядерной войне не может быть победителя, а ОВД и НАТО официально заявляют, что они придерживаются оборонительных доктрин, сохранение в Европе нацеленных друг на друга многотысячных танковых группировок представляет собой опасный анахронизм, непомерную дань застойному военному мышлению.

Как указывал в своем докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС М.С.Горбачев, эффективность нашего оборонного строительства отныне должна обеспечиваться не количественными, а «преимущественно качественными параметрами — как в отношении техники, военной науки, так и состава вооруженных сил. Оно должно гарантировать надежную безопасность

³³ «Air Force Magazine», August 1987, p. 46.

³⁴ См. «Известия», 2 апреля 1988 г.

³⁵ «Красная звезда», 9 августа 1988 г.

Советского государства и его союзников, осуществляться в строгом соответствии с нашей оборонительной доктриной.³⁶

Этот подход получил дальнейшее подтверждение на научно-практической конференции МИД СССР. В своем докладе на ней Э.А. Шеварднадзе, в частности, подчеркнул: «Умение, а не число, ставка на качество, а не только на количество, всеобщая развитость и высокий уровень научно-технологической инфраструктуры, а не "вал" вооружений и контингентов — вот что гарантирует надежную оборону страны, ее безопасность. [...] Сегодня, — говорится далее в докладе, — определяющее значение для безопасности государства имеют не столько его оружейные склады, сколько способность создавать и производить новое. Иначе говоря — резервы научной мысли, резервы технологических возможностей, резервы производственных мощностей, резервы квалифицированных кадров».³⁷

Нельзя не видеть, что танковая асимметрия в Европе используется противниками разоружения в качестве катализатора гонки вооружений и удобного предлога для сохранения в европейском регионе ядерного оружия.

Но дело в конечном счете не в асимметрии. Дело в масштабах танкового противостояния в Европе. Было бы чрезмерным оптимизмом думать, что европейцы на Востоке и Западе будут чувствовать себя в безопасности при сохранении на континенте десятков тысяч танков даже после установления танкового равенства между ОВД и НАТО, скажем, на уровне 20 или 15 тысяч танков с той и другой стороны.

Перспективу неядерного мира к 2000 году можно сделать реальной, если уже в ближайшие годы будет совершен прорыв в области сокращения обычных вооружений, сопоставимый по смелости и неортодоксальности с Договором о ликвидации РСМД. Путь для такого прорыва, в сущности, открыт. Ибо Договор по РСМД дает надежный, проверенный рецепт устранения запутанных асимметрий и дисбалансов в области обоюдоострых наступательных вооружений.

Используя этот рецепт, в наибольшей мере отвечающий принципу равной безопасности, можно было бы, на мой взгляд, уже в ближайшем будущем приступить к переговорам о резком сокращении, а еще лучше — ликвидации всех танков, имеющихся у ОВД и НАТО в Европе. Танкам, как и ядерному оружию, не должно быть места в общем европейском доме. Другими словами, возможен, на мой взгляд, «нулевой вариант» по танкам.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ, № 11, 1988. Сс. 39-52.

³⁶ «Правда», 29 июня 1988 г.

³⁷ «Международная жизнь», 1988 г., № 9, стр. 18, 19.